

RU

Категория кажимости как средство выражения логически нечёткого суждения в романе Герберта Уэллса “The Time Machine” («Машина времени»)

Карпухина Т. П.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть специфику проявления эпистемологической категории кажимости как средства выражения логически нечёткого суждения в англоязычном произведении научно-фантастического жанра. В статье языковая репрезентация нечёткого суждения рассматривается в терминах кажимостной модальности. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые категория кажимости, трактуемая с логико-лингвистических позиций, исследуется в аспекте её функционирования как языкового средства выражения нечёткого суждения в романе Г. Уэллса “The Time Machine”. В результате исследования обоснована каузальная связь между нечёткостью логического/эпистемического суждения, выраженного в модусе кажимости, и неотчётливостью чувственного восприятия разного типа: зрительного, слухового, осязательного, обонятельного, вкусового, кинестетического. Показано, что в тексте произведения неотчётливая перцепция, заложенная в основание нечёткого суждения с модальностью кажимости, эксплицируется сенсорной лексикой или имплицитно контекстом. Установлены экстралингвистические факторы, препятствующие адекватному восприятию главного героя – рассказчика, излагающего события в будущем фантастическом мире как перцептивно-обманчивые и эпистемически недостоверные.

EN

Category of seemingness as a means of verbalizing a logically vague proposition in Herbert G. Wells’s novel “The Time Machine”

T. P. Karpukhina

Abstract. The research aims to reveal the specific features of manifestation of the epistemological category of seemingness as a means of verbalizing a logically vague proposition in an English literary work of the science-fiction genre. The scientific novelty of the research lies in the fact that it has been the first to approach the category of seemingness, as the phenomenon of both logic and language, from the point of view of its function as a means of verbalizing an epistemologically vague proposition in H. G. Wells’s novel “The Time Machine”. The research findings reveal a causal type of connection between a vague proposition and indistinct perception of a particular type, namely, a visual, aural, tactile, olfactory, gustatory and kinesthetic type. Indistinct sense perception in a vague proposition is made explicit in the novel by diverse sensory denominations or implied by the context. The research results specify various linguistic factors that impede adequate perception of the first-person narrator-protagonist who describes the events in the world of fantastic future as perceptively deceptive and epistemologically unverified.

Введение

Актуальность предпринимаемого исследования обусловлена насущной необходимостью углублённого исследования актуализации лингвистической категории кажимости в речевой деятельности. В последние годы лингвистами всё более осознаётся потребность в изучении специфики проявления категории кажимости в художественно-прозаическом тексте на материале разных языков. Крайне незначительным остаётся число лингвистических работ, увязывающих речевую реализацию категории кажимости с выражением логически нечёткого суждения. Современные лингвистические изыскания нуждаются в детальном освещении проблемы взаимосвязи между нечёткими суждениями, представленными в модусе кажимости, и особенностями

чувственного восприятия, выраженного соответствующей лексикой. Существует настоятельная потребность расширения круга литературных произведений с целью выявления особенностей функционирования категории кажимости как средства выражения нечёткого суждения в произведениях разной жанровой принадлежности.

В работе выдвигается гипотеза о том, что в научно-фантастическом романе Герберта Уэллса «Машина времени» лингвистическая категория кажимости, представленная в произведении, играет существенную роль в повествовании главного героя – рассказчика, функционируя в качестве средства выражения логически нечёткого суждения, позволяющего представить странствия протагониста в далёкие миры будущего через искажающую призму неотчётливого, недостоверного восприятия.

Эмпирический материал исследования составили высказывания в модальности кажимости, извлечённые из текста научно-фантастического романа Герберта Уэллса “The Time Machine”, опубликованного в избранном собрании сочинений:

- Wells. H. G. The Time Machine. The Invisible Man. Short Stories. Essays (Wells). Moscow: Moscow Progress Publishers, 1981.

Перевод примеров из романа приведён за авторством К. Морозовой по изданию:

- Уэллс Г. Машина времени; Остров доктора Моро; Человек-невидимка. СПб.: Паллада-ПЭК, 1992.

Достижение цели исследования потребовало решения следующих задач:

- определить основные понятия, используемые в работе, опираясь на их трактовку в логике и лингвистике, а именно: суждение, нечёткое суждение, модус/модальность;
- рассмотреть истоки и трактовки понятия кажимости в гуманитарном научном знании;
- исследовать языковые единицы с семантикой кажимости в романе “The Time Machine” в аспекте их функционирования как средства выражения нечёткого суждения;
- опираясь на контекст употребления языковых единиц с модальностью кажимости, выявить факторы, содействующие формированию нечёткого суждения.

В качестве справочного материала привлекались данные из философских словарей:

- Всемирная энциклопедия: философия (ВЭФ) / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. – Мн.: АСТ; Харвест; Современный литератор, 2001;

- Философия: энциклопедический словарь (ФЭС) / сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2001;

- Философский словарь (ФС) / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1981.

Данные из словаря по логике:

- Юрчук В. В. Современный словарь по логике (ССЛ). Мн.: Современное Слово, 1999.

Данные из словаря лингвистических терминов:

- Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Данные из англоязычных толковых словарей:

- Cambridge International Dictionary of English (CIDE). Cambridge: Cambridge University Press, 2001;
- Hornby A. S. Oxford Student's Dictionary of Current English (OSDCE) / with the assistance of Chr. Ruse. Moscow – Oxford: Prosveshcheniye Publishers; Oxford University Press, 1984;

- Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE). New ed. Bungalow: Richard Clay Ltd., 1988;

- New Webster's Dictionary of the English Language (NWDEL). College ed. 5th print. New Delhi: Subject Publications, 1989;

- The Concise Oxford Dictionary of Current English (CODCE) / ed. by J. B. Sykes. 7th ed. Oxford: The Clarendon Press, 1984.

Теоретической базой исследования послужили труды, в которых разрабатывается проблематика суждения в классической и неклассической логике (Васильев, 1989; Вершинин, Вершинина, 2007; Звезгинцев, 1963; Кант, 2018; Конькова, 2023; Лукасевич, 2012; Свинцов, 1998; Тымцяс, 1999; Шалак, 2022; Яшин, 2023); модальности высказывания (Арутюнова, 1999; Балли, 1955; Виноградов, 1975; 2001; Гак, 1978; Орехова, 2011); категории кажимости (Арутюнова, 1999; Гатинская, 2012; Горельникова, 1993; Евсеева, 2024а; 2024б; Кант, 2018; Ковалёва, 2008; Логинов, 2022; Орехова, 2021; Семёнова, 2007; 2019; Хельмянова, 2016; Шаховский, 2011; Vaihinger, 1927); перцептивной деятельности (Вишнякова, 2015; Колерс, 1974; Рубинштейн, 2001; Рузин, 1995; Спенсер, 1998).

В качестве основных методов, предопределённых обозначенной целью и совокупностью задач, в работе используются, наряду с общенаучными методами описания и обобщения, также специальные лингвистические методы: дефиниционный, компонентный, контекстуальный и интерпретативный. Описательный метод был применён для дескрипции и систематизации эмпирического материала; обобщение позволило перейти от отдельных выявленных фактов к общему заключению; дефиниционный и компонентный методы обеспечили возможность определить семантику языковых единиц; контекстуальный метод использовался для выявления нечётких суждений, высказанных в модусе кажимости; интерпретативный метод способствовал прояснению заключённого в них смысла.

Практическая значимость статьи обусловлена перспективами использования её результатов студентами филологических факультетов высших учебных заведений при изучении таких дисциплин, как когнитивная лингвистика, интерпретация англоязычного художественного текста, а также при подготовке студентами и магистрантами выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций по близкой тематике.

Обсуждение и результаты

Понятия суждения и модуса/модальности в логике

В связи с тем, что в фокусе внимания статьи находятся высказывания в модальности кажимости в аспекте их функционирования в тексте в качестве средства выражения логически нечёткого суждения, напомним ставшее классическим утверждение Ш. Балли: «Всякое высказывание мысли с помощью языка обусловлено логически, психологически и лингвистически» (1955, с. 43). Очевидным доказательством связи логики и языка служит то обстоятельство, что, оперируя понятиями, суждениями, умозаключениями, логик не может обойтись без языка, поскольку все эти формы мышления «доступны ему только в языковой форме» (Звегинцев, 1963, с. 19).

Суждение определяют как «форму мышления (логическую форму), в которой утверждается или отрицается связь между предметами и их признаками»; в языке суждение обычно «выражается в виде повествовательных предложений» (Тымцяс, 1999, с. 52). Структура суждения включает три элемента: S (subjectum) – субъект суждения, о котором что-либо утверждается или отрицается, P (praedicatum) – предикат суждения, то, что утверждается или отрицается о субъекте, (copula) – логическая связка, выражающая отношения между субъектом и предикатом. Суждение имеет формулу: S есть / не есть P (Тымцяс, 1999, с. 54–55; ССЛ, 1999, с. 643–645). При таком подходе, когда предикатом что-то утверждается или отрицается, мы имеем дело с двузначной логикой, в которой суждение либо истинно, либо ложно (Гетманова, 1998, с. 116).

Это классическая, восходящая к Аристотелю и закреплённая Лейбницем логика, согласно которой ясность, истинность утверждения достигается при соблюдении универсальных законов тождества, непротиворечия и исключённого третьего, которыми должно руководствоваться правильное, рациональное мышление. При этом возможно только то, что соответствует этим законам: «Возможное – это то, что логически непротиворечиво, тождественно-истинные утверждения; это область вечных истин или истин разума, логических сущностей...» (ВЭФ, 2001, с. 549). Но далеко не всегда человеческая мысль так отточена и логически безупречна. Мышление может быть и неопределённым. В отличие от мысли определённой, достаточно точно отражающей объект, «неопределённая мысль – это мысль расплывчатая (как иногда говорят, туманная), неясная по содержанию, допускающая возможности различного истолкования» (Свинцов, 1998, с. 130).

Рассуждая о неотчётливости, неясности представлений и знаний, Иммануил Кант особое внимание уделил субъективности человеческого мышления, подчеркнув, что то, что «мы неясно познаём свойства вещей», что представления могут быть «неотчётливыми», что мы по-разному воспринимаем качество времени, пространства и проч., «зависит от моего способа созерцания, а не от этих объектов самих по себе» (2018, с. 87, 86, 93). Мыслитель пояснил: «Различие между отчётливыми и неотчётливыми представлениями имеет только логический характер и не касается содержания» (Кант, 2018, с. 86).

Вместе с тем невозможно отрицать и объективные предпосылки недостаточности мыслительного процесса, заложенные во «всепроникающей нечёткости реального мира», следствием чего и является нечёткая логика человеческого мышления: «Логика человеческого рассуждения основывается не на классической или даже многозначной логике, а на логике с нечёткими значениями истинности, с нечёткими связками и нечёткими правилами вывода» (Вершинин, Вершинина, 2007, с. 43).

Ещё в начале XX в. Н. А. Васильев в своей опережающей время неаристотелевой логике утверждал о возможности противоречивого суждения. Учёный выделяет три типа суждений: 1) утвердительное, S есть P; 2) отрицательное, S не есть P; 3) индифферентное, S есть и не есть P (Васильев, 1989, с. 70–72). О третьем типе суждения можно говорить, сославшись на раннюю работу логика (1910 г.), как о таком суждении, в котором оба предиката рассматриваются как возможные (Васильев, 1989, с. 49; Конькова, 2023, с. 85–86).

Позднее (1920 г.) тезис о трёхзначной логике, ставившей под сомнение закон непротиворечия, защищал польский логик Я. Лукасевич (2012). Новаторскими работами Н. А. Васильева и Я. Лукасевича было положено начало логике неклассической (многозначной, нечёткой, модальной, паранепротиворечивой, интуиционистской), допускающей состояние неопределённости (Яшин, 2023; Шалак, 2022).

Забегая вперёд, отметим, что высказывание о чём-то кажущемся не вписывается в двузначную, классическую логику, поскольку дихотомия «либо истинно, либо ложно» к нему не применима. Высказывание о кажущемся, когда имеют место попытки «высказаться о том, что видится ещё смутно и неотчётливо» (Ивин, 1999, с. 129), соответствует третьему типу суждения, согласно которому предикаты квалифицируются как возможные, и в определённых условиях они могут оказаться как истинными, так и ложными. Но, с точки зрения классической логики, высказывание в кажимостной модальности относится к области неопределённого.

Важнейшая роль в суждении принадлежит логической связке, которая является носителем модуса/модальности, характеризующим субъект-предикатные взаимоотношения. Связь между субъектом и предикатом суждения, формализованная в виде выражения «есть / не есть», может быть представлена иначе: «необходимо», «возможно», «допустимо», «предполагается» и проч. В логике такие выражения называются модальными операторами/квалификаторами, которые изучаются модальной логикой (Свинцов, 1998, с. 97–98).

В модальной логике выделяются следующие типы модальности суждений: алетическая (*aletheia* *греч.* – истина), деонтическая (*deontos* *греч.* – должное), эпистемическая (*episteme* *греч.* – знание), аксиологическая (*axios* *греч.* – ценный). Суждения в алетической модальности подразделяются на разновидности, выделенные И. Кантом (2018, с. 111), которые характеризуются В. Г. Тымцясом следующим образом: суждения аподиктические

(выражающие необходимость; они истинны всегда; это констатация законов); ассерторические (выражающие действительность – истинны только в действительности; это констатация фактов); проблематические (выражающие возможность – они истинны где-то, неважно где, в действительности или мышлении; это констатация возможного). Проблематическое суждение не исключает противоречащего ему высказывания (Тымцяс, 1999, с. 68-69). В проблематических суждениях часто встречаются выражения типа: видимо, допустимо, не исключено, что (Свинцов, 1998, с. 99).

Высказывания, имеющие эпистемическую модальность, изучает эпистемическая логика, подразделяемая на логику знания и убеждения. Логика знания оперирует понятиями: доказуемо (верифицируемо), неразрешимо (непроверяемо), опровержимо (фальсифицируемо); логика убеждения опирается на понятия: полагает (убеждён), сомневается, отвергает, допускает (ВЭФ, 2001, с. 649).

Как в дальнейшем покажет материал исследования, логические суждения, выраженные в модусе кажимости, являются эпистемически нечёткими, алетически проблематическими, основанными на неверифицируемости, недоказуемости, на полагании, сомнении, допущении.

Категория кажимости: истоки и трактовки в гуманитарном научном знании

Прежде чем перейти к трактовкам категории кажимости, определимся с понятием собственно категории. В философии, служащей фундаментом всякого научного знания, понятие категории, введённое в научный оборот Аристотелем, определяется как «предельно общее понятие», отображающее «наиболее существенные связи и отношения объективной действительности и познания», при этом каждой конкретной науке присуща своя система категорий (ВЭФ, 2001, с. 475-476). Само понятие категории «уже предполагает связь», причём связь как единство многообразного (Кант, 2018, с. 136).

Застывшего списка категорий не существует, в силу того что, выражая «существенные связи развивающейся действительности, законы движения природы, общества и мышления, они должны быть такими же подвижными, гибкими, как и отражаемые ими явления» (ФС, 1981, с. 149).

Кажимость как понятийную, мыслительную категорию обосновал и развивал в философии Иммануил Кант, исходя при этом из познавательной деятельности человека, опираясь на понятия мышления, знания, истины, достоверности, объективности и проч. И. Кант ввёл в философию понятие *als ob* (как бы / как будто), проведя разграничение между умственно постигаемым ноуменом, «как он есть», и чувственно воспринимаемым феноменом, «как он является». В первом случае речь идёт об истинном знании, достоверном для всех, отчётливом и объективном. Во втором случае мы имеем дело с мнением, которое есть «признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны», не имеющее «никакого отношения к истине», и в чём нет «полной достоверности» (Кант, 2018, с. 657, 656). *Als ob* – феномены относятся И. Кантом ко второму типу явлений познавательной деятельности.

Обосновывая понятие кажимости логически и опираясь на понятие фикции, предложенное И. Кантом, Ганс Файхингер (Vaihinger, 1927) подчёркивал, что суждения “*als ob*” возникают как результат допущений, фикций, к которым прибегает человек «для преодоления затруднений мышления и достижения его цели» (ФЭС, 2001, с. 474).

На феномен кажущегося обратили внимание мыслители античности и Средневековья. Устами Сократа Платон утверждает о сходстве вещей, которые могут казаться разными; при этом представление о кажущемся различии, возникающее «при помощи зрения, осязания или иного чувственного восприятия» (2006, с. 140-141), связано с мышлением, а именно припоминанием о похожем предмете и сравнением, приводящем к выводу о неполном уподоблении вещей, кажущихся равными.

Для Платона, подчёркивает А. Ф. Лосев (2000, с. 405-406), кажущееся – это не подлинное знание, не сущее и не существующее, а преходящее мнение, чувственное представление (doxa), нечто, что может мниться (см. doxosophia – кажущаяся, мнимая мудрость).

Об этом также пишет О. М. Фрейденберг, комментируя убеждённость платоновского Сократа в двойственном характере познания: «“Кажущееся” (докса) носит у него характер субъективного и неверного мнения, а то, что в онтологии было “сущим”, обращается у него в объективное познание» (2021, с. 307).

Джордж Беркли подметил ситуативную подчинённость эффекта кажущегося условиям восприятия, подчёркнув, что «суждение, которое мы составляем о величине вещи, зависит не только от внешнего вида, но также и от различных других условий», в зависимости от которых «эти объекты кажутся гораздо большими» или «соответственно меньшими, чем казались бы в других случаях» (2000, с. 50-51).

В трактовке кажимости философы затрагивали вопрос о чувственном восприятии, лежащем в основании категории, но особое внимание этому аспекту было уделено в психологии. О значимости феномена кажимости в перцептивном процессе свидетельствует то обстоятельство, что на одной лишь странице труда Герберта Спенсера (1998, с. 242), где пишется об относительном характере восприятия, о различии между реальными объектами и тем, как они воспринимаются органами чувств, семь раз используется глагол «казаться» и его словоформы «кажутся», «кажущееся», «казалось».

Рассуждая о пространственном восприятии, Эрнст Мах (2009, с. 326-327) отмечает зависимость «чувственного воззрения» от условий восприятия, ссылаясь при этом на основательный труд Ф. Гиллебранда, в названии которого используется термин «кажущаяся/видимая величина» (Hillebrand F. Theorie der scheinbaren Grosse bei binokularem Sehen // Denkschriften der mathematisch-naturwissenschaftlichen Klasse der Wiener Akademie. 1902. Bd. 72).

Общим для философских и психологических воззрений является признание природы кажимости как перцептивно-когнитивного феномена, сложное единство которого обеспечивается сплетением таких разных сторон, как чувственное восприятие и мышление, что порождает неотчётливое восприятие, сопряжённое с мыслительными операциями сравнения, припоминания, уподобления.

До сих пор речь шла о кажимости как понятийной категории. Нелишне напомнить, что языковым воплощением понятийной категории как результата мыслительной деятельности является лингвистическая категория, трактуемая в широком смысле как «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании к.-л. общего свойства»; «Категоризирующий признак может быть собственно семантическим, синтаксическим или общекатегориальным», понимаемым как «относящийся к частям речи» (ЛЭС, 1990, с. 214-215).

Кажимость как лингвистическая категория является по своей природе семантической, поскольку в основу объединения составляющих её языковых единиц положен семантический признак кажущегося впечатления. При этом в лексическом значении номинаций заложена субъективная модальность, которая проявляется в высказывании в отношении к чему-либо, оцениваемом говорящим как предположительное, кажущееся. Кажимостная модальность семантики, свойственная языковым единицам этого рода, при их актуализации в речи квалифицирует высказывание не как очевидное, точное знание, а как логически нечёткое, неясное мнение-суждение о предмете.

В лингвистике категория кажимости, обоснованная Н. Д. Арутюновой, трактуется как эпистемическая (имеющая отношение к знанию) категория, выражающая модальность кажимости, относящаяся к двойственному восприятию, в основе которого лежит ситуативное сравнение особого рода: «Акт недостоверного сравнения осуществляется *in absentia*: один из терминов сравнения присутствует лишь в воображении говорящего. Задана только одна ситуация. Сквозь неё внутренним взором или слухом говорящий воспринимает нечто другое – “партнёра”, остающегося за кадром. К-модальность маркирует то, что не видно, а привиделось, не слышно, а послышалось. Для неё характерен ситуативный антураж сумерек и тумана, снов и видений» (1999, с. 833-834). Эпистемическая категория кажимости оказывается проявлением антропоцентрической сущности языка на том основании, что в неё включён человек с его несовершенным восприятием и представлением (Семёнова, 2006).

Лингвистическая категория кажимости, будучи по своему характеру эпистемической, модальной (Арутюнова, 1999; Евсеева, 2024а; 2024b), функционально-семантической (Логинов, 2022; Орехова, 2021), рассматривается также как нежёсткая, прототипическая категория (Семёнова, 2019, с. 13), которая подходит под определение неопределённых, нечётких множеств (*fuzzy sets*) (Zadeh, 1965). Категория кажимости, тесно связанная с категориями неопределённости и оценочности (Хельмянова, 2015), обладает способностью категоризовать нечёткие сущности в языке (Семёнова, 2019, с. 13) и служить в речи способом передачи нечёткости суждений (Синицына, 2017).

Конституенты категории кажимости, вне зависимости от её атрибуции (понятийная/семантическая/функционально-семантическая/эпистемологическая/модальная/прототипическая), организованы по принципу функционально-семантического поля (Горельникова, 1993; Карпухина, 2024), опирающегося «на взаимодействие конкретных разноуровневых элементов данного языка с их грамматическими, лексическими и словообразовательными значениями» (Бондарко, 2016, с. 61). Средства, вербализующие понятие кажимости на уровне лексики и синтаксиса (Семёнова, 2007, с. 34), входят в состав одноимённого поля на правах его составляющих, принадлежащих, в соответствии с иерархической организацией поля, к его центру или периферии (о критериях идентификации составляющих семантического поля кажимости в английском языке см. подробнее в работе (Карпухина, 2024)).

Функционирование модальной категории кажимости, выражающей нечёткое суждение, в романе «Машина времени»

Заемствованные из логики термины «модус», «модальность», осмысленные лингвистикой применительно к языку, означают следующее. Модус трактуется в его соотносительности с диктумом, первый передаёт субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания, а второй – его объективное содержание: «Логическая функция модальности заключается в выражении реакции мыслящего субъекта на его представление; модальным знаком при этом является связка, которая связывает *д и к т у м* с субъектом *м о д у с а*» (Балли, 1955, с. 234).

В терминах логики, оперирующей не понятием предложения, а пропозиции, «под диктумом в широком плане понимается “пропозиционное значение” – отображение определённого события, положения вещей (“предметной ситуации”), модус отражает то, что говорится о диктуме, кем, когда, кому, с какой целью, в каких условиях (“речевую ситуацию”); при этом «категории модуса, отражающие цели и условия речевого акта, универсальны, но способы их выражения в разных языках весьма разнообразны» (Гак, 1978, с. 21, 20).

Как показал В. В. Виноградов (1975; 2001, с. 553), в языке модальность может быть передана разными средствами, как лексическими, так и синтаксическими, включая модальные частицы, полноценные слова, высказывания, различные типы предложения.

По образному выражению Ш. Балли, «модальность – это душа предложения», в котором выражена мысль, а «мыслить – значит вынести суждение, есть ли вещь или её нет, либо определить, желательна она или нежелательна, либо, наконец, выразить пожелание, чтобы она была или не была» (1955, с. 44, 43). «Логическим

и аналитическим выражением модальности служит *м о д а л ь н ы й г л а г о л* (например, думать, радоваться, желать), а его субъектом – *м о д а л ь н ы й с у б ь е к т*; оба вместе образуют *м о д у с*, дополняющий диктум» (Балли, 1955, с. 44).

Примечательно, что в противопоставлении модуса/диктума Ш. Балли подметил тема-рематическое развёртывание высказывания, назвав *модус* субстратом представления, его *темой*, а *диктум* – *поводом* эксплицитного высказывания. В размышлениях швейцарского лингвиста прямо обозначено логическое основание высказывания, которое явственно предстаёт в используемых им понятиях «суждение», «модальность», «мыслить», в разграничении субъекта и объекта, коррелирующих с логическими понятиями субъекта и предиката, связываемых модальным глаголом – связкой. Понятием суждения оперировали и философы, которые размышляли о феномене кажимости (Кант, 2018; Беркли, 2000).

Обратимся к фактическому материалу с целью выявления особенностей функционирования языковых единиц модальной семантики кажимости в качестве средства выражения нечёткого суждения. Ограничимся изучением контекстов употребления единиц, системно-языковое значение которых позволяет однозначно включить их в состав функционально-семантического поля кажимости на правах конститuentов центральной части поля или примыкающей к центру ближайшей периферии. Идентифицирующим критерием служит наличие в значении, основном или второстепенном, семы кажимости, лексически закреплённой в глаголе *seem*, что отражено в англоязычных толковых словарях (CODCE, 1984; LDCE, 1988; NWDEL, 1989; OSDCE, 1984).

Среди выявленных в тексте произведения кажимостных маркеров к системно-языковым носителям модальности кажимости относится ядро поля, глагол *seem* (казаться), значение которого включает все компоненты семантики кажимости, а также глаголы *appear* (являться, казаться), *look* (выглядеть, казаться), *sound* (звучать, казаться) и сравнительный союз *as if / as though* (как будто), входящие в ближайшую периферию поля на том основании, что сема кажимости обнаруживается в их вторичных значениях. Отметим, что при всём разнообразии языковых средств, протагонист-рассказчик отдаёт предпочтение глаголу *seem*, который используется в подавляющем числе высказываний, представленных в модусе кажимости.

На всём протяжении своего повествования о путешествии в будущее главный герой рассказывает о невероятных приключениях и испытаниях, с которыми он столкнулся в чужих мирах. Новый опыт настолько расходится с его привычными представлениями, что рассказчик, будучи неуверенным в реальности происходящего, часто прибегает к модальности кажимости. Степень достоверности воспринимаемого может различаться, что вычитывается из диктальной части высказывания или из тематически связанного с ним близлежащего контекста.

Анализ текста произведения показывает, что кажущееся впечатление зачастую имеет своим истоком чувственное восприятие, связанное с определённым сенсорным каналом. При этом если кажимость всегда явно обозначена в конкретном предложении, то перцептивный модус эксплицируется либо в этом же предложении, то есть в условиях непосредственного контакта, либо в более широком контексте, но, как правило, в рамках одного сверхфразового единства, объединённого тематически связанными, близко расположенными предложениями. Иными словами, лексика с семантикой кажимости находится в отношениях достаточно близкого соседства с лексикой сенсорной, включаясь, таким образом, в экспликацию единой перцептивной ситуации.

Лексика с модальностью кажимости обладает широким диапазоном сочетаемости с сенсорными номинациями разного типа чувственного восприятия: визуального, аудиального, тактильного, ольфакторного, вкусового, кинестетического (общефизиологической реакции, связанной с движением внутренних органов) (см. подробнее о разновидностях чувственного восприятия в работах (Рубинштейн, 2001; Рузин, 1995; Вишнякова, 2015)). Преобладает при этом лексика, обозначающая визуальное восприятие. Рассмотрим, например, каким видится учёному-изобретателю земное пространство.

При полёте в будущее, когда скорость машины времени всё более убыстряется, зрение не может ухватить детали земного ландшафта, видится лишь общая картина. Высокая скорость движения затрудняет адекватное восприятие, приводя в итоге к неотчётливому представлению. Путешественнику кажется, что поверхность земли расплывается и тает перед его глазами. Условия восприятия, таким образом, детерминируют нечёткое суждение рассказчика, выраженное в модусе кажимости, маркированном глаголом *seem* (казаться): *“The whole surface of the earth seemed changed – melting and flowing under my eyes”* (Wells, 1981, p. 53). / «Вся поверхность земли изменялась на моих глазах» (Уэллс, 1992, с. 24).

В диктуме высказывания эксплицитно обозначена визуальная перцептивная ситуация, получившая языковое выражение в устойчивом словосочетании *under one’s eyes* (прямо под кем-л., перед глазами), в котором присутствует номинация органа зрения – «глаза». Знания о пространстве, полученные в жизненном опыте, не допускают возможности для земной поверхности таять (*melt*) и растекаться (*flow*), но и отрицать возникшее обманчивое впечатление путешественник не может, поэтому он прибегает к модальности кажимости, позволившей передать двойственный характер впечатления.

В зрительной иллюзии, как нигде более, со всей очевидностью проявляется особенность взаимоотношений зрительного восприятия и воображения, свидетельствующая о том, что «мысленные образы – это реконструкции, а не копии восприятий» (Нейссер, 1974, с. 260). И эти реконструкции носят субъективный характер, они могут и отходить от действительности: «Главное свойство иллюзии – её убедительность для субъекта» (Колерс, 1974, с. 309).

С истинностной, алетической точки зрения приведённое высказывание является проблематическим суждением, допускающим возможность существования абсолютной мнимости лишь в ментальном мире воображения. Этот воображаемый мир квалифицируется как иллюзия, обман зрения, не отражающий реальной действительности. Иными словами, на шкале возможности (осуществимости в определённых условиях)

приведённое суждение, выраженное в модальности кажимости, занимает полярную позицию «нет, невозможно в реальности, возможно только в мире воображения».

Таковым следует считать и высказывание в следующем контексте. Полёт на машине времени открыл перед взором путешественника впечатляющую панораму сменяющих одна другую разнообразных картин, и весь земной пейзаж преобразился: “*I saw great and splendid architecture rising about me, more massive than any buildings of our own time, and yet, as it seemed, built of glimmer and mist*” (Wells, 1981, p. 54). / «Я видел, как вокруг меня вздымались огромные сооружения чудесной архитектуры, гораздо более величественные, чем здания нашего времени, но они казались сотканными из мерцающего тумана» (Уэллс, 1992, с. 24). О визуальной перцептивной ситуации сигнализирует сенсорный предикат *see* (видеть) в начале сложносочинённого предложения. Модус высказывания, заданный ключевым кажимостным маркером, глаголом *seem*, относится к впечатлению от громадных архитектурных сооружений, которые выглядят невесомыми, парящими в воздухе, как будто бы их создали из тумана (*mist*) и мерцающего света (*glimmer*).

Нечёткое суждение, высказанное в модусе кажимости, как и в предыдущем случае, опирается на обманчивое, иллюзорное восприятие, обусловленное крайне необычными обстоятельствами. Предельно высокая скорость движения машины послужила для глаз своеобразной преломляющей призмой, искажавшей всё, что попадало в поле зрения. Единственным отличием от вышеприведённого высказывания является то, что здесь в кажущемся, обманчивом модусе видится и земное пространство в целом, и небесная атмосфера как материал, из которого якобы созданы артефакты человеческой цивилизации.

Несколько иным оказывается восприятие окружающей обстановки в следующем контексте. Остановка машины в первом из будущих миров произошла в момент, когда на землю обрушился проливной, стоящий стеной град (*the hail curtain* – завеса града; *the hazy curtain* – заволакивающая, туманная завеса; *the hazy downpour* – ливневая завеса). По этой причине рассказчик не мог разглядеть материал, из которого был сделан постамент статуи сфинкса, увиденной им по приземлении машины времени. Ему показалось, что это была бронза, что и отмечено в диктальной части высказывания: “*As the columns of hail grew thinner, I saw the white figure more distinctly. <...>. The pedestal, it appeared to me, was of bronze, and was thick with verdigris*” (Wells, 1981, p. 55-56). / «Когда град стал падать реже, я подробно разглядел белую фигуру. <...>. Пьедестал показался мне сделанным из бронзы и был густо покрыт медной зеленью» (Уэллс, 1992, с. 25-26). Вся описываемая картина представлена как увиденная глазами, но наиболее явно на тип чувственного восприятия указывает сенсорный визуальный предикат *see*, извлекаемый из контекста.

Модус кажимости, обозначенный модальным глаголом *appear* (являться, казаться), и в данном эпизоде связан с затруднительными условиями восприятия. Но в отличие от приведённого выше высказывания, которое эмпирически исключало возможность использовать в архитектуре туман и мерцающий свет, нечёткое суждение в отношении статуи, сохраняя оттенок сомнения, неуверенности, всё же допускает, что материалом для пьедестала могла быть бронза. Таким образом, на градуальной шкале по степени возможности проблематическое суждение о материале артефакта приближается к полюсу «да, в описываемой реальности это возможно, но допустимо и иное».

Модальность кажимости, служащая средством передачи нечёткого суждения, может вводить перцептивную ситуацию иллюзорного восприятия не пространства, а движения неживого объекта. Приведём пример с уже упоминавшейся статуей сфинкса, которая играет важную роль в сюжете романа «Машина времени». Путешественнику, только что оказавшемуся в чужом мире, который встретил его беспросветным ливнем, кажется, мнится, что по мере того, как сгущается и разряжается стена проливного града, статуя сфинкса то приближается к нему, то отступает назад: “*It seemed to advance and to recede as the hail drove before it denser or thinner. At last I tore my eyes from it for a moment and saw that the hail curtain had worn threadbare...*” (Wells, 1981, p. 55). / «Казалось, он то приближался, то отступал, смотря по тому, гуще или реже падал град» (Уэллс, 1992, с. 26).

Весьма показательным, что ментальный образ размеренного, медленного движения неживого объекта соответствует закономерности восприятия, согласно которой «кажущееся движение, будучи неотличимым от реального, бывает обычно более медленным» (Колерс, 1974, с. 313).

Наличие в контексте сенсорной лексики, а именно однословного наименования *see* (видеть), устойчивого словосочетания *tear one's eyes from* (оторвать глаза от), отражает визуальную перцептивную ситуацию. Важно и то, что объект, воспринимаемый как движущийся, может находиться лишь на отдалении от наблюдателя, но обязательно в пределах видимости. Попеременное, безостановочное движение объекта, как это происходит в эпизоде, делает его недоступным для осязания. Кажущееся движение огромного мраморного истукана считывается главным героем как исходящая от него угроза, прямо направленная на путешественника, вторгшегося в чужой мир.

Нечёткое суждение, выраженное в модусе кажимости, приписывающее движение мраморной скульптуре, предопределено условиями плохой видимости и внутренним состоянием тревоги и ожидания опасности в чужом для землянина мире. В силу того, что высказывание характеризует обманчивое, иллюзорное восприятие, оно относится к алетически проблематическому суждению, допускающему возможность движения неживого объекта исключительно в ментальном мире, воображении.

До сих пор речь шла о модусе кажимости как средстве выражения нечёткого суждения, в основании которого лежит неотчётливое зрительное восприятие. Кажимостная модальность в тексте произведения может опираться и на аудиальную перцептивную ситуацию.

Приведём текстовый фрагмент, в котором описывается поведение подземных обитателей будущего мира, преследующих чужеземца в тёмной чаще леса. Модальность высказывания, обозначенная доминантным

кажимостным индикатором, глаголом *seem*, соотносится с ситуацией слухового восприятия, эксплицированной сенсорной лексикой, которая содержится в диктальной части высказывания. Аудиальная перцептивная ситуация вербализуется лексическими номинациями голоса (*voice*) и его качеств, таких как высота, тон (*pitch*) и способность возрастать в силе, повышаться (*rise*). Протагонист-путешественник не может в темноте увидеть своих антагонистов-морлоков, но он слышит, пусть и неотчётливо, их голоса. Ему показалось, послышалось, что голоса стали громче, и морлоки подбираются ближе: “*Their voices seemed to rise to a higher pitch of excitement, and their movements grew faster*” (Wells, 1981, p. 108). / «Голоса их, казалось, уже не могли быть пронзительней, движения становились все быстрее и быстрее» (Уэллс, 1992, с. 79).

Здесь уместно сослаться на заключение психологов о направленности восприятия, о том, что человек осмысливает ощущения, он не только слышит, но и прислушивается для того, чтобы привести возникающий образ восприятия в соответствие с предметом (Рубинштейн, 2001, с. 226). Для главного героя это тем более важно, что его антагонисты прекрасно ориентируются в темноте, тогда как ему приходится прилагать усилия, чтобы разобрать слышимое, и многое остаётся неясным, неопределённым.

Нечёткость суждения, выраженного модальностью кажимости, обусловлена в приведённом примере как неотчётливым слуховым восприятием, так и эмоциональным состоянием персонажа, обеспокоенного вероятным, готовящимся нападением на него подземных жителей. Эпистемическая недостаточность суждения, его нечёткость и неопределённость, является следствием недостаточности сенсорной информации и невозможности её восполнить сравнением текущих ощущений с прежними, поскольку ранее его враги голоса не подавали.

Похожая ситуация, когда персонаж не видит, а слышит своих преследователей, обнаруживается и в следующем эпизоде. Глубокой ночью из густых лесных зарослей до него доносятся звуки шевеления, лёгкого шума (*stir*) и бормотания (*murmur*) морлоков, которые только и ждут, чтобы наброситься на иноземца: “*The wood behind seemed full of the stir and murmur of a great company!*” (Wells, 1981, p. 105). / «В лесу, позади нас, слышался шум и бормотание огромной толпы» (Уэллс, 1992, с. 78). В приведённом предложении явно обыгрывается ономотопеический характер слов *murmur* и *stir* как иконических языковых знаков.

Категория кажимости, служащая средством выражения нечёткого суждения, прослеживается в тексте романа не только в условиях зрительного и слухового восприятия. Неясным, неотчётливым может быть и осязание, то есть тактильное, гаптическое восприятие.

Во втором из будущих миров, в котором от человечества не осталось и следа, путешественник во времени сначала увидел приближающегося краба-монстра (*a monstrous crab-like creature*), а затем почувствовал, как огромные щупальца коснулись его щеки, подобно севшей на неё мухе: “*I felt a tickling on my cheek as though a fly had lighted there*” (Wells, 1981, p. 115). / «...я вдруг почувствовал щекочущее прикосновение на щеке. Казалось, будто на неё села муха» (Уэллс, 1992, с. 87).

Индикатором кажимостной модальности в приведённом высказывании служит союз *as though* (как будто), в значении которого присутствуют семы нереального уподобления (LDCE, 1988) и нереального условия (см. дефиницию “*as it would be if*” – «как было бы, если») (NWDEL, 1989). Сравнительный союз *as if / as though* используется в сложноподчинённом предложении для указания на сослагательное наклонение. Напомним в этой связи об особой роли наклонения в обозначении модальности, отмеченной ещё Ш. Балли, который утверждал, что «наиболее употребительным выражением модальности является наклонение диктального глагола» (1955, с. 234).

О соотносённости ситуации с восприятием свидетельствует гиперонимический сенсорный предикат *feel* (чувствовать), относящийся ко всем разновидностям перцепции. Но перцептивная ситуация в дальнейшем конкретизируется прямой отсылкой к тактильному восприятию, которое выражено отглагольным существительным *tickling* (щекотание), обозначающим осязательное ощущение от прикосновения к коже. В словарной дефиниции сенсорного глагола *tickle* имеются указания на прикосновение (*touch*), его лёгкость (*lightly*), на часть тела и как место его локализации (*part of the body*), и как инструмент осязания (*finger, feather, etc.* – палец, пёрышко и т. д.) (LDCE, 1988). Точную локализацию прикосновения отмечают также психологи (Рубинштейн, 2001, с. 197), что позволяет нам считать косвенным знаком-индексом осязания также присутствующее в тексте соматическое партитивное обозначение *cheek* (щека).

Нечёткость суждения, обозначенная модальной семантикой нереально-условного уподобления, связана с отсутствием в прежнем опыте рассказчика тактильных контактов с представителями иноземной фауны, что побуждает его передать свои осязательные ощущения в кажущемся модусе. Неопределённость атрибуции прикосновения может быть вызвана тем, что от чудовищно огромного краба путешественник не ожидал столь слабой силы давления на кожу, как от назойливой мухи. К этой ситуации применимо утверждение логиков о том, что неопределённость мышления зачастую обусловлена несовпадением сложной реальности с простыми логическими схемами: «Внешнее, видимое тождество в действительности скрывает в себе различие» (Свинцов, 1998, с. 139). При этом с точки зрения истины приведённое высказывание не исключает, как и всякое проблематическое суждение, возможности и большей силы, присущей иноземной морской твари, которая просто заманивает свою жертву обманчивой лёгкостью прикосновения.

Не столь однозначной с точки зрения перцепции представляется ситуация, в которой описываются ощущения, испытываемые главным героем, проникшим в место обитания морлоков, тёмное глубокое подземелье с вырытыми в нём галереями и нишами-укрытиями. В одном из таких укрытий он разглядел столик, как будто бы накрытый для еды: “*The place... was very stuffy and oppressive, and the faint halitus of freshly shed blood was in the air. Some way down the central vista was a little table of white metal, laid with what seemed a meal. The Morlocks*

at any rate were carnivorous!" (Wells, 1981, p. 88). / «Было очень душно, и в воздухе чувствовался слабый запах свежeproлитой крови. Чуть подалеже, примерно в середине пещеры, стоял небольшой стол из белого металла, на котором лежали куски свежего мяса. Оказалось, что морлоки не были вегетарианцами!» (Уэллс, 1992, с. 60).

На первый взгляд, кажимостный маркер квалифицирует в нечётком суждении появившийся в поле зрения объект как пищу, которая, как всякая еда, может подлежать разным видам чувственного восприятия, а именно зрению, обонянию, вкусу и даже осязанию. В отсутствие прямого указания точно идентифицировать сенсорный канал затруднительно. Однако контекст употребления наводит на мысль о взаимодействии таких разновидностей восприятия, как зрение, обоняние и вкус. Ведущая роль при этом принадлежит визуальной, пусть и неотчётливой, перцепции в условиях тьмы (*utter darkness*) подземного тоннеля (*the tunnel*). В сумраке (*out of the dimness*) подземелья, освещённого на мгновение спичкой (*burning of a match*), путешественник смог охватить зрением (*the view I had*) едва различимые, смутные, призрачные тени морлоков (*dim spectral Morlocks*) и стол с тем, что по виду походило на еду (*what seemed a meal*).

Но отнюдь не случайно в предшествующем предложении говорится о тошнотворном запахе (*halitus*) свежей, только что пролитой крови (*freshly shed blood*). Напомним, что обоняние, принадлежащее к дистантрецепторам, всегда создаёт «эмоциональный фон», положительный или отрицательный, окрашивая «самочувствие человека в приятные или неприятные тона» (Рубинштейн, 2001, с. 200). В данном случае речь идёт о чрезвычайно острой, негативной эмоционально-физиологической реакции персонажа на отвратительный запах.

Рассказчик, вначале почувствовавший омерзительное зловоние, а затем увидевший то, что показалось ему едой, связывает два сенсорных ощущения в одно впечатление, понимая, что запах исходит от того, что кажется пищей. И тут до его сознания доходит, что это человеческое мясо и что морлоки – людоеды (*carnivorous*). Примечательно, что первичное, медико-терминологическое значение слова (см. его орфографические варианты *halitus/halitos/halitosis*) относилось к дурному запаху из рта, несвежему дыханию: “foul breath” (LDCE, 1988), связанному причинно-следственной связью с неправильным пищеварением. И персонаж-рассказчик не мог не испытать чувства тошноты, мысленно представив вкус этой «кажущейся еды» с отвратительным запахом.

Подчеркнём, что вкусовая, густаторная перцепция только имплицитно контекстом. Эксплицитно заявлено визуальное и ольфакторное восприятие, о чём свидетельствует извлекаемая из контекста сенсорная лексика, соотносимая со зрением и обонянием. Но в любом случае можно с уверенностью говорить здесь о полимодальной перцептивной ситуации, создаваемой текстуальным взаимодействием разных типов чувственного восприятия.

Нечёткость суждения обосновывается самим персонажем, предварившим рассказ об этом эпизоде ссылкой на стёршиеся, смутные (*vague*) воспоминания: “Necessarily my memory is vague”. А далее, в завершающем высказывании, он ссылается на общее неотчётливое (*indistinct*) впечатление от посещения подземелья, обонятельное (*the heavy smell* – тяжёлый запах) и зрительное (*shapes* – формы, *figures* – фигуры, *shadows* – тени, *darkness* – темнота): “It was all very **indistinct**: the heavy smell, the big unmeaning shapes, the obscene figures lurking in the shadows, and only waiting for the darkness to come at me again!” (Wells, 1981, p. 88-89). / «Всё вокруг было видно смутно: тяжёлый запах, громадные контуры машин, отвратительные фигуры, притаившиеся в тени и ожидающие только темноты, чтобы снова приблизиться ко мне!» (Уэллс, 1992, с. 60).

Категория кажимости, на которой базируется эпистемически нечёткое суждение, реализуется в тексте романа также в ситуации кинестетического восприятия, связанного с общефизиологической реакцией, которая обусловлена двигательной активностью всех органов человека. Так, описывая свою борьбу с морлоками в ночном лесу, путешественник рассказывает о том, как он обнаружил пропавшую спутницу лежащей лицом к земле и, как ему показалось при свете зажжённой спички, почти бездыханной: “She **seemed scarcely to breathe**” (Wells, 1981, p. 105). / «Казалось, она едва дышала» (Уэллс, 1992, с. 78).

Нечёткое суждение, выраженное кажимостной модальностью, обусловлено здесь как неотчётливостью восприятия, так и нежеланием главного героя признать смерть юной девушки. Первое обусловлено внешней причиной, условиями плохой видимости в ночной чаще леса, второе – внутренней причиной, эмоциональной привязанностью к юной спутнице и страхом потерять её, оставшись в чужом, враждебном мире без верного помощника – проводника.

До сих пор мы приводили высказывания, кажимостная модальность которых обозначалась маркерами, непосредственно не связанными с сенсорным восприятием (*seem, appear, as though*). От них отличаются глаголы *look* (выглядеть, казаться) и *sound* (звучать, казаться), соотносимые с кажимостью во вторичном значении, сохраняющем связь с перцепцией. Связь со зрением или слухом подтверждается словарным толкованием переносных значений: *look* – “to seem by expression or appearance” – казаться по выражению или внешнему виду; *sound* – “to seem when heard” – казаться таким, как это услышано (LDCE, 1988). Использование этих номинаций в качестве маркеров кажимости ограничивается единичными случаями.

С помощью глагола *look*, например, путешественник описывает внешний облик элоев, жителей наземной части первого из посещённых миров. В сравнении с обычными людьми, телосложение элоев выглядело чрезвычайно хрупким: “And besides, they **looked so frail that I could fancy myself flinging the whole dozen of them about like nine-pins**” (Wells, 1981, p. 57). / «К тому же они были такие хрупкие, что, казалось, можно совсем легко в случае нужды разбросать их, как кегли, – целую дюжину одним толчком» (Уэллс, 1992, с. 28). Высказанное в модальности кажимости суждение является нечётким, поскольку в диктуме высказывания обозначена не фактическая, истинная реальность, а её видимость, что подтверждается отсылкой персонажа к воображению (*fancy*), в котором он якобы может легко разбросать людей, как почти невесомые кегли. Невероятная,

в его глазах, хрупкость телосложения элоев настолько отличалась от земных жителей его мира, что это побудило его выразить своё мнение в модусе кажимости. По степени возможности указанное проблематическое суждение приближается к точке «сомнительно, пожалуй, невозможно».

Примечательно следующее обстоятельство. Как следует из текста произведения, нечёткое суждение относительно элоев и морлоков, обитателей наземного и подземного миров, чаще всего представлено в кажущемся модусе, опирающемся на разные типы перцепции, на визуальную и аудиальную соответственно. Нечёткое суждение об элоях, которых путешественник видит при дневном свете, обычно относится к их внешнему облику, в то время как суждение о преследующих его морлоках, которых протагонист воспринимает в условиях темноты ночного леса или подземелья, касается, как правило, доносящихся до него звуков их голоса, бормотания или передвижения.

Перейдём к рассмотрению глагола-связки *sound*, с помощью которого оценивается теория путешествия во времени, выдвинутая главным героем. Оговорим, что этот кажимостный маркер используется в речи приятеля протагониста, выразившего свои сомнения с помощью вежливой этикетной формулировки: *“It sounds plausible enough tonight,” said the Medical Man; “but wait until tomorrow. Wait for the common sense of the morning”* (Wells, 1981, p. 46). / «– Всё это кажется сегодня вполне правдоподобным, – ответил Доктор, – но подождём до завтра. Утро вечера мудренее» (Уэллс, 1992, с. 14). Сохраняя референциальную привязку к звучащей речи, глагол *sound* в приведённом примере вводит в «коммуникативный фокус» не столько перцептивное, сколько «ментальное значение», характеризуя отношение говорящего «к сути дела, а не к тому, что может в буквальном значении “звучать”» (Семёнова, 2007, с. 71).

Модальность кажимости позволяет в некатегоричной форме выразить мнение участника дискуссии о возможности (*plausible*) путешествия во времени. Мнение же «всегда связано с ценностным суждением, рациональная оценка – основная семантическая характеристика мнения, она может быть алетической, аксиологической или деонтической» (Ковалёва, 2008, с. 239). Приятель главного героя оценивает вероятность осуществления путешествия во времени только при условии отключения здравого смысла. Иными словами, он апеллирует к разуму, но подспудно сама теория о преодолении временных границ оценивается им негативно. То, что «звучит» вероятным, необязательно является таковым. Иными словами, перед нами нечёткое, проблематическое суждение, допускающее вероятность путешествия во времени лишь в сумеречном (*tonight* – вечером), а не ясном (*the morning* – утром) поле сознания, в фантазии, а не в реальности, где правит здравый смысл.

Заключение

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Высказывание в модусе кажимости не вписывается в классическую двузначную логику, согласно которой логически чёткое суждение основано на признании суждения либо истинным, либо ложным. Высказывание в модусе кажимости является языковым коррелятом логически нечёткого суждения, к которому не применима дихотомия «либо истинно, либо ложно». Нечёткое суждение, выраженное в модусе кажимости, описывается трёхзначной логикой, допускающей, наряду с истинным и ложным суждением, также и наличие неопределённого, нечёткого суждения, в котором одновременно сосуществуют обе возможности. Модальность кажущегося принадлежит области неопределённого, возможного, нечёткого.

С точки зрения истины нечёткие суждения, выраженные в модусе кажимости, характеризуются как алетически проблематические, возможные лишь при определённом условии, включая ментальный мир воображения. С точки зрения знания и убеждения суждения в модусе кажимости квалифицируются как эпистемически нечёткие, основанные не на точном, проверяемом, достоверно-убедительном знании, а на неверифицируемом мнении, то есть на недоказуемых полаганиях, сомнениях и допущениях.

2. Языковым воплощением понятийной категории кажимости является одноимённая лингвистическая категория, статус которой можно определить, в зависимости от ракурса рассмотрения, как категорию эпистемологическую, семантическую, функционально-семантическую, прототипическую. Конституенты категории кажимости функционируют в речи в качестве модусных/модальных маркеров, характеризующих диктум высказывания как нечто кажущееся, предположительное. Рассматриваемое с логических позиций, высказывание с модальной семантикой кажимости квалифицируется не как достоверное, истинное знание, а как логически/эпистемически нечёткое суждение.

3. В ходе анализа эмпирического материала гипотеза, выдвинутая в работе, была подтверждена. Исследование текста научно-фантастического романа «Машина времени» показало, что лингвистическая категория кажимости осуществляет важнейшую роль в выражении логически нечёткого суждения, с помощью которого главный герой – рассказчик передаёт свои двойственные, неотчётливые впечатления о путешествиях в далёкие миры будущего.

Нечёткие суждения с модальностью кажимости обнаруживаются в описании небесного пространства, земного ландшафта, артефактов человеческой цивилизации, обитателей будущих миров, движения неживого объекта и проч.

С точки зрения истины представленное в романе эпистемически нечёткое суждение, будучи проблематическим по своей алетической модальности, соотносится на шкале возможности с разными степенями осуществимости, от «да, возможно в описываемой реальности, но допустимо и противоречащее суждение»,

«сомнительно, скорее, это невозможно в описываемой реальности» до «нет, невозможно в описываемой реальности, но допустимо в ментальном мире воображения».

В ходе исследования было обнаружено, что эпистемически нечёткое суждение, выраженное в модусе кажимости, имеет своим истоком неотчётливую перцепцию, которая представлена такими разновидностями, как зрительное, слуховое, осязательное, обонятельное, вкусовое и кинестетическое восприятие. Неотчётливое чувственное восприятие, предопределившее нечёткость суждения с модальностью кажимости, нашло языковое выражение в сенсорной лексике. Соответствующая сенсорная лексика обычно присутствует в близлежащем контекстуальном окружении. В отдельных случаях она может имплицироваться контекстом.

4. Анализ, направленный на изучение обстоятельств, обусловивших нечёткость суждения, позволил обнаружить экстралингвистические факторы, которые препятствовали адекватному восприятию главного героя – рассказчика.

Нечёткость суждения, выраженного в модусе кажимости, объясняется как внешними, так и внутренними причинами. К внешним факторам относятся затруднительные условия восприятия (высокая скорость движения машины времени, погодные условия, темнота ночного леса или подземелья). К внешним факторам следует также отнести представленные в суждениях рассказчика онтологически чужеродные миры будущего с их обитателями (элои, морлоки, краб-монстр). Внутренним фактором, затруднившим адекватное восприятие, явилось эмоционально-физиологическое состояние рассказчика, продиктованное, как правило, опасениями за свою безопасность в чуждом, враждебном мире.

Перспективы исследования видятся в изучении места и роли логически нечётких суждений в разных функциональных стилях речи. Перспективным представляется также дальнейшее рассмотрение нечётких суждений в художественном тексте на материале разных языков и жанров.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд-е 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с третьего фр. издания Е. В. и Т. В. Вентцель; ред., вступит. статья и примеч. Р. А. Будагова. М.: Иностранная литература, 1955.
3. Беркли Дж. Сочинения / сост., общ. ред. и вступит. статья И. С. Нарского. М.: Мысль, 2000.
4. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Изд-е стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2016.
5. Васильев Н. А. Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989.
6. Вершинин М. И., Вершинина Л. П. Применение нечёткой логики в гуманитарных исследованиях // Библиосфера. 2007. № 4.
7. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.
8. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. Изд-е 4-е. М.: Русский язык, 2001.
9. Вишнякова Е. П. Категория перцептивности как основа языкового моделирования возможных миров в новелле Г. Уэллса "The Country of the Blind": дисс. ... к. филол. н. Хабаровск, 2015.
10. Гак В. Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте: межвуз. тематический сб. Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1978.
11. Гатинская Н. В. Семантический анализ двух модальных лексем (на материале будто и как будто) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 1.
12. Гетманова А. Д. Логика. Словарь и задачник. М.: ВЛАДОС, 1998.
13. Горельникова Ю. А. Выражение модального значения кажимости в структуре предложения: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1993.
14. Евсеева Е. Ю. Визуальная перцепция в свете модальности кажимости в романе Г. Уэллса «Человек-невидимка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024а. Т. 17. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil20240287>
15. Евсеева Е. Ю. Слуховой предикат и модальность кажимости в романе Г. Уэллса «The Invisible Man» // Современное педагогическое образование. 2024б. № 6.
16. Звегинцев В. А. Применение в лингвистике логико-математических методов // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1963. Вып. IV / сост. В. А. Звегинцев.
17. Ивин А. А. Логика: учебник для гуманитарных факультетов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.
18. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018.
19. Карпухина Т. П. Категория кажимости и её функционирование в романе Герберта Уэллса "The Time Machine" («Машина времени») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 7. <https://doi.org/10.30853/phil20240328>
20. Ковалёва Л. М. Английская грамматика: предложение и слово: монография. Иркутск: Репроцентр А1, 2008.
21. Колерс П. Иллюзия движения // Восприятие. Механизмы и модели / пер. с англ. Л. Я. Белопольского и Ю. И. Лашкевича; под ред. и с предисл. Н. Ю. Алексеенко. М.: Мир, 1974.
22. Конькова А. В. О корректных силлогизмах основного варианта Воображаемой логики Н. А. Васильева // Логические исследования / Logical Investigations. 2023. Т. 29. № 1. <https://doi.org/10.21146/2074-1472-2023-29-1-84-100>

23. Логинов А. В. Вопросительное предложение как средство выражения кажимости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5.
24. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М. – Харьков: АСТ; Фолио, 2000.
25. Лукасевич Я. О трёхзначной логике / пер. с польск. Б. Т. Домбровского // Лукасевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. М. – СПб.: ЦГИ, 2012.
26. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ; Лаборатория знаний, 2009.
27. Нейссер У. Зрительные процессы // Восприятие. Механизмы и модели / пер. с англ. Л. Я. Белопольского и Ю. И. Лашкевича; под ред. и с предисл. Н. Ю. Алексеенко. М.: Мир, 1974.
28. Орехова Е. Н. О модальности кажимости в прозе А. П. Чехова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: мат. междунар. науч. конференции, посвящённой памяти доктора филол. наук, проф. К. А. Войловой (г. Москва, 25 февраля 2021 г.) / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: Принтика, 2021.
29. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2011.
30. Платон. Избранные диалоги / сост. и коммент. В. В. Шкоды. М.: АСТ, 2006.
31. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001.
32. Рузин И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: дисс. ... к. филол. н. М., 1995.
33. Свинцов В. И. Логика: элементарный курс для гуманитарных специальностей. М.: Скорина; Весь мир, 1998.
34. Семёнова Т. И. Антропоцентризм модуса кажимости // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. Вып. 2.
35. Семёнова Т. И. Категоризация нечётких сущностей в модусе кажимости // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм: сб. науч. трудов. Иркутск: Аспринт, 2019. Вып. 2.
36. Семёнова Т. И. Лингвистический феномен кажимости: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2007.
37. Синецкина Н. С. Глаголы «кажимости» как способ передачи нечёткости суждения // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67).
38. Спенсер Г. Основания психологии // Спенсер Г., Циген Т. Ассоциативная психология. М.: АСТ-ЛТД, 1998.
39. Тымцяс В. Г. Логика. Курс лекций. М.: Приор, 1999.
40. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2021.
41. Хельмянова Ю. С. Взаимосвязь категорий неопределённости, кажимости и оценочности // Научное мнение. 2015. № 4.
42. Хельмянова Ю. С. Категория кажимости и её реализация в прозаическом наследии А. С. Пушкина: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2016.
43. Шалак В. И. Об истоках множественности логик // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 4.
44. Шаховский В. И. Модус кажимости: пассионарность оскорблений реальных и кажущихся // Вопросы психолингвистики. 2011. № 4.
45. Яшин Б. Л. Неклассические логики в современной науке // Философская мысль. 2023. № 1.
46. Vaihinger H. Die Philosophie des Als Ob. System der theoretischen, praktischen und religiösen Fiktionen der Menschheit auf Grund eines idealistischen Positivismus. Mit einem Anhang über Kant und Nietzsche. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1927.
47. Zadeh L. A. Fuzzy Sets // Information and Control. 1965. No. 8.

Информация об авторах | Author information

Карпухина Тамара Петровна¹, д. филол. н., доц.

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Tamara Petrovna Karpukhina¹, Dr

¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ tkarpukhina1@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.07.2024; опубликовано online (published online): 23.08.2024.

Ключевые слова (keywords): кажимостная модальность; неклассическая логика; эпистемическая недостаточность суждения; проблематическое суждение; неотчётливое восприятие; modality of seemingness; non-classical logic; epistemologically vague proposition; problematic proposition; indistinct perception.